

Мой Яншин

Великий учитель и верный ученик. Народные артисты СССР Михаил Яншин и Евгений Леонов. Мастер прославленного МХАТа, оставивший яркий след в актерском искусстве, и наш современник, достойно продолжающий и развивающий заветы своего наставника. О счастливых и трудных годах ученичества, познания профессии и души театра с признательностью рассказывает Евгений Павлович Леонов в книге, посвященной Михаилу Яншину, которая готовится к издательству ВТО.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было четырнадцать лет. В пятнадцать лет я пошел на завод учеником токаря, потом учился в авиационном техникуме, который не кончил, так как решил попробовать свои силы на актерском поприще. Меня приняли в Московскую драматическую студию. Окончив ее в 1947 году, я попал в драматический театр Дзержинского района, вскоре закрывшийся. Все решалось как-то само собой, но теперь надо было более серьезно задуматься о дальнейшем актерском пути. Мне предлагали играть в Театре сатиры, считая, что по своим данным я подхожу к специфике этого театра, к жанру комедии. А меня тянуло к искусству МХАТа, и я поступил в Драматический театр имени К. С. Станиславского, который назывался тогда еще театром-студией и находился в Ворониковском переулке. Главным режиссером (принявшим меня, надо сказать, без энтузиазма) был Михаил Федорович Дудин. Мне очень нравился в этом студийном театре, близком, как мне казалось, к Художественному театру, спектакль «Три сестры», поставленный Михаилом Николаевичем Кедровым, и я в течение пяти лет с трепетом играл в нем бессловесную роль денщика, вынося на сцену большой самовар. Я также любил жизнерадостную постановку комедии Шеридана «День чудесных обманов» с Борисом Левинсоном в главной роли; в этот спектакль меня буквально «впили» без репетиций на роль слуги Лопеса. Так прошли два года со спешными «вводами», случайными ролями и абсолютно неясными перспективами, вернее, без всяких перспектив.

Не знаю, как сложилась бы моя актерская судьба, если бы в 1950 году в наш театр не пришел Михаил Михайлович Яншин. Именно с этого времени началось мое формирование как актерской индивидуальности, актерской личности. С жадностью я слушал рассказы Яншина, первоначально многое на его репетициях меня ставило в тупик. Как тонко, образно, ярко, глубоко разбирал он произведение, каждую сцену и каждую роль! Но выполнить то, что он хотел, далеко не всегда удавалось, надо было все пересматривать в себе как бы заново.

Первой постановкой Михаила Михайловича в театре была пьеса С. Яромлинского «Грибоедов». Я в ней участвовал только в массовых сценах, но ходил на все репетиции, старался понять, прочувствовать то, чего Яншин добивался от актеров. Михаил Михайлович совершенно неожиданно для всей труппы поручил главную роль Левинсону, считавшемуся до того времени чисто комедийным актером. Яншин рушил все штампы в подборе актеров на ту или иную роль, преследуя не только режиссерские, но в какой-то мере и педагогические цели. Работал он с Левинсоном очень интересно, поучительно и добился действительно замечательных результатов. Спектакль «Грибоедов» явился несомненной удачей театра.

До этого я сыграл Клауса в пьесе В. Собо «Жизнь начинается снова». Режиссером спектакля являлся Ю. Мальковский, а Яншин включился в работу уже к генеральным репетициям. После одной из репетиций он обратился ко мне: «Что вы все бегаете, как мышиный жеребчик? Надо постараться слиться с ролью, а не развлекать публику».

Почему «мышиный жеребчик»? Сразу до меня не дошло, что это значило. Только постепенно, уже работая непосредственно с Яншиным как режиссером над несколькими большими ролями, я осознал, от чего меня всегда предостерегал Михаил Михайлович, к чему звал, куда направлял в творчестве. Надо признаться, что ругал, жестоко критиковал он меня постоянно. Он вообще молодых актеров не хвалил, а ко мне был особенно придирчив; так во всяком случае мне казалось.

Помню, в «Бесприданнице» Островского на роль Робинзона были назначены Борис Лифанов и я (как второй исполнитель). Репетировал в основном Лифанов, но однажды Михаил Михайлович вызвал на сцену меня. Текст роли я знал прекрасно и стал играть бодро, уверенно, надеясь поразить присутствующих своим искусством. Просмотрев целую сцену, Михаил Михайлович довольно сдержанно заметил: «Что у вас за страсть все изображать, наигрывать?» И Яншин прочел целую лекцию о сути нашей профессии, говорил о многогранности образа, о втором плане, необходимости проникнуться существом роли и о многом другом. Волновался, горячился; слова Яншина были обращены уже не только ко мне, а ко всем участникам спектакля. Я сыграл Робинзона несколько раз на гастролях в Донецке (во время болезни Лифанова). Был большим успех, меня зрители принимали с хохотом и аплодисментами. И тогда в меня закрались сомнения: а прав ли Яншин? Мне так легко далась роль и такой шумный успех! Может быть, ко мне придирается режиссер? Но режиссер был прав. Когда я сейчас смотрю на свою фотографию в «Бесприданнице», я с ужасом думаю: «Боже мой, до чего же я был фальшивый Робинзон». Почему я этого раньше не понимал, почему до меня не сразу доходили советы и требования Михаила Михайловича?

А ведь на той репетиции, о которой я сейчас вспомнил, меня задело слова Яншина, я тогда не выдержал и довольно запальчиво возразил: «Вы бы лучше научили меня, как надо играть, чем критиковать». Яншин на это ничего не ответил. Только посмотрел на меня внимательно, на мои веселые ямочки на щеках, посмотрел так, что я до сих пор помню его взгляд, его глаза. В них было все — и понимание моей молодости, и мудрость учителя, и боль за ученика, и снисходительность, и желание сделать из меня человека-артиста.

Вскоре он поручил мне две значительные роли в своих постановках: Федора Рудого в пьесе Ю. Припева «На улице счастливой» (1953 г.) и Лариосика в «Днях Турбиных» (1954 г.) Вот эти две работы, сделанные под руководством Яншина, явились поворотными в моем творчестве.

Создавая образ крестьянского паренка Федора, я впервые понял (наверное, еще не до конца, только умом), что просто смешное играть нельзя. Играешь смешного — ищи, где он не смешной, или в глубь характера, выявляй в нем что-то новое, самобытное, не лежащее на поверхности. Обязательно отдавай роли свое сердце.

Пожалуй, особенно придирчив и требователен был ко мне Михаил Михайлович во время работы над ролью Лариосика. Я понимаю, как трудно было Яншину — легендарному Лариосику — примириться с моим исполнением. Он не тянул меня к своей трактовке образа, а заставлял искать собственные ходы в роли. Мучительно добивался он от меня душевной чистоты и простоты в игре, той духовно богатой, внутренне наполненной простоты и жизненности, которые так невероятно трудны для актера...

Но вот прошла премьера — успех, аплодисменты среди действия, смех в зрительном зале. После 50-го спектакля начал обретать свободу в роли, корректировать какие-то моменты в соответствии с тем, что хотел от меня Яншин, выходял постепенно из-под власти зрительного зала. Михаил Михайлович не обращал внимания на мой большой успех, все время меня настораживал, заставлял заново пересмотреть то одну, то другую реплику.

Только один раз он похвалил моего Лариосика. Это было в городе Минске, где наш театр гастролировал в 1958 году. На спектакль я приехал прямо со съемок, совсем охрипший, с простуженным горлом и вдруг узнаю, что в театре находится Михаил Михайлович. Он только что вернулся с гастролей МХАТа, приехал к нам в Минск и пришел проверить, как идут «Дни Турбиных». Меня охватила тревога; я был сильно озабочен одним: как преодолеть охрипший голос, как играть, чтобы хрипящие связки не помешали создать образ. Когда вышел на сцену, то и «визгливая» молодость, «жеребачесть» Лариосика пропали, и «сытое благополучие» ушло, в которых меня упрекал раньше Яншин. И вот тогда, после спектакля, меня Михаил Михайлович похвалил — за простоту, органичность поведения на сцене, сиюминутность реакций, за то, наконец, что нес в себе атмосферу войны. Эта похвала тоже заставила о многом задуматься и над многим поразмыслить. Вот сейчас, мне кажется, я сыграл бы Лариосика так, как хотел того Яншин...

Последней работой Яншина в театре имени К. С. Станиславского была постановка пьесы Ю. Припева «Первый встречный». Это была и моя последняя работа с режиссером Яншиным. Я играл роль пожилого рабочего — мастера Шохина, дядю Костю, как его все называли. К этому времени я уже научился под влиянием Яншина ставить под сомнение свои актерские возможности, видел неточности, заложенные в самой драматургии, стал замечать штампы свои и своих партнеров.

Режиссура Яншина, его интерес прежде всего к актеру на сцене, к жизни человека, его глубинные разработки ролей — все это близко моей натуре, совпадает с моими устремлениями в творчестве. Все полученное мною от Яншина в театре я переносил в кинематографию. После роли Лариосика меня усиленно приглашали сниматься в кино, и я с удовольствием соглашался.

Когда я смотрю на некоторые прежние свои роли в кино, думаю — правильно меня ругал Яншин. Но, с другой стороны, знаю: если бы не прошел трудной яншинской школы искусства психологического реализма, то не было бы Якова Шибалока в «Донской повести», Травкина в фильме «Тридцать три», Сафранова в «Старшем сыне», штукатура Коли в «Афоне», Ивана Приходько в «Белорусском вокзале» и других моих наиболее серьезных актерских созданий. Я и к Иванову в пьесе Чехова пришел через Яншина, пройдя его школу.

Воспоминания о Яншине я начал с некоторых фактов своей биографии, чтобы яснее показать значение для меня встречи с Михаилом Михайловичем — последователем Станиславского, одним из лучших выразителей живых традиций Художественного театра. Четырнадцать лет работы с Яншиным — это мой крепкий фундамент; это почва, дающая силы для творческого роста; это источник, из которого я непрерывно черпаю материал для своих ролей, для размышлений об искусстве, для вечного беспокойства. И каждый раз, когда я встречаюсь в работе с новым режиссером, я с надеждой жду от него, кроме постановочных новаторств, кроме интересной внешней выстроенности спектакля или фильма, в первую очередь глубины актерских разработок, раскрытия жизни человеческой души. Для меня это важнее всего.

Сов. Россия, 1983, 18 мая